

ПРОЛОГ

Солнце светило и жарило так, что, казалось, выжгло все тени с улиц города. Но знойные лучи были далеко не так опасны, как ливни раскаленной стали из автоматических зенитных установок. Они обрушивались на дом, выносили окна, крошили, а местами даже дырявили стены. А с высоты соседних домов стреляли снайперы, пытаясь выбить из гвардейцев желание сопротивляться...

Июнь девяносто второго, спорный город Бендеры, усыпанный трупами перекресток улиц Первомайской и Калинина. Молдавские полицаи, румынские волонтеры против приднестровских гвардейцев, обороняющих дом в самом эпицентре боевых действий. Бронированные машины, «Шилки», орудия и минометы против двух десятков автоматов и нескольких «Мух».

Тимофей Орлик давно уже должен был быть у себя дома, в тихой и спокойной Рязанской области, пить водку и нежить баб в своей родной Заболони. Но ему было стыдно за больших начальников из русской армии, которые не решались помогать своим братьям-славянам, восставшим жителям Приднестровья. Поэтому после увольнения в запас он остался здесь, примкнул к национальным гвардейцам непризнанной республики. И снова бой, и хлыстом щелкают снайперские выстрелы, свистят пули, рвутся мины. Тротиловая гарь и едкая кирпичная пыль застилают глаза. Дефицит боезапаса и переизбыток боевого духа. Враг не пройдет...

Лето тысяча сто сорок четвертого года от Рождества Христова. Невыносимая жара, пыльные бури, бескрайние степи Дикого поля. Одно утешение — река Днестр: глубокие широкие воды, прохлада и освежающий ветерок, яркая зелень пойменных лугов. Избавиться бы сейчас от железных доспехов, раздеться бы догола и с головой уйти в глубь речной воды. Нужда в том есть, но нет возможности. До реки рукой подать, но со стороны степей на крепостную твердыню надвигается половецкая орда.

Лохматые кочевники на шустрях лошадаках, клубы пыли из-под копыт, гул, топот, крики. Но и русская дружина не молчит. Громко ударили бубны, взвыли трубы, засвиристели пищалки, загудели щиты под легкими набатными ударами мечей.

Заставу отстроили совсем недавно — ров еще не закончен, водой не залит, и ворота не успели укрепить. Но защитные стены достаточно прочные — толстые колья в два ряда, удобные и крепкие ярусы-помосты для стрелков и ратников. Кочевников раза в три-четыре больше, но их беда в том, что брать крепости они не приучены. Зато они превосходно пускают из луков зажженные стрелы и метают с руки горящие факелы. Они могут устроить пожар и сжечь заставу дотла.

Но половцев бояться — в степь не ходить. Русская дружина готова к бою. Лучники запустили в воздух тучу стрел, ратники закрылись щитами, ограждая себя от половецкого залпа.

Кочевники — меткие стрелки, их луки тугие, бьют далеко и сильно. Упал со стены один русский лучник, другой... Тимофей Орлик вовремя спрятал голову за щит, стрела просвистела рядом с левым ухом. Пронесло. Страха нет, уверенность в своих силах велика. Не первый год он в ратном деле. Глаз цепкий, рука быстрая и

крепкая, меч острый, из булатной стали. Он не простой ратник, он гридь киевского воеводы. У него есть лук, в колчане стрелы с калеными наконечниками, но стрелять ему нельзя — он обязан оберегать своего начальника, который стоит за его спиной, следит, как развивается сражение.

Воевода Третич со своей малой дружиной прибыл на заставу, чтобы усилить крепостную стражу. И прибыл вовремя. Только-только расположились, как появились команы — кочевники. Их много, но им не прорваться...

* * *

«Румыны» обстреляли дом из гранатометов, осыпали градом воющих мин, полоснули по стенам и окнам из «Шилки». Два зенитных снаряда влетели в оконный проем, возле которого, вжавшись в пол, лежал Тимофей — оба с визгом врезались в толстую плиту межэтажного перекрытия, попутно смахнув с потолка остаток люстры и выбив из него бетонную крошку. Острый маленький кусочек плиты больно царапнул ухо, но парень лишь облегченно вздохнул. Было бы куда страшней, если бы в комнату влетела осколочная граната. Но бог милостив...

Артобстрел закончился, в бой пошла пехота. Какие силы противник бросил в бой, Орлик не знал. У него своя позиция, у него свой сектор обстрела, за который он в ответе. В армии он служил в мотострелковом полку, участвовал в межклубных соревнованиях по стрельбе. И если цель попала в прицел его автомата... Тра-та-та! Первый готов... Тра-та-та-та!.. Второй «румын» схватился за простреленный бок, осел на колени. Добить его Тимофей не успел — боевик залег под прикрытие высокого бордюра вокруг цветочной клум-

бы. Да и некогда заниматься им, в секторе обстрела новая цель...

Он уложил третьего боевика, когда краем глаза уловил блик оптического прицела. Снайпер на чердаке противоположного дома. Лежать бы ему на полу, остывая, промедли он хотя бы долю секунды. Но Тимофей успел убрать голову до того момента, как стрелок нажал на спусковой крючок. Пуля влетела в оконный проем, чиркнув по откосу, к которому он только что прижимался. Едва-едва от смерти увернулся. Другого бы на его месте хватил шок. Но Тимофея охватила боевая эйфория. Он уцелел, потому что еще не отлита для него пуля. Он остался жить, потому что нет на свете силы, способной загнать его в гроб. Зато сам он сильный и смелый. Он создан для войны. Или война создана для него...

Он выпустил в сторону снайпера короткую очередь. Уверенности в том, что цель поражена, не было. Поэтому Тимофей сменил позицию — перебрался в другую комнату на своем этаже. Свое прибытие отметил несколькими очередями. И перебрался на новое место, чтобы не примелькаться... Он стрелял из автомата, бросал гранаты, затем по требованию командира спустился вниз, чтобы отбить атаку прорвавшегося в здание противника. Вел огонь, падал, поднимался, снова в бой... Ему везло. Его друзья-товарищи гибли под пулями, а он оставался в строю до тех пор, пока вражеская атака не захлебнулась.

Бой закончился, гвардейцы победили. Он радовался этому, но подспудно ему хотелось продолжения. Еще не иссякла его энергия, еще не улегся азарт, еще сверкали яростно глаза. Трупы, кровь, разруха, но это всего лишь атрибуты войны — жуткой, но притягательной в своей страшной красоте...

Конные стрелки подожгли вышки и постройки в крепости, посекали стрелами лучников на стенах. Отступили. Но только затем, чтобы уступить место пешим воинам. Кочевники бежали на крепость с диким воем, который должен был придать им боевого задора, а врага обратить в панику. Тимофей лишь посмеивался в ус, глядя, как они бегут на приступ, размахивая саблями и щитами. Но улыбка сошла с его лица, когда он увидел в их рядах длинные приставные лестницы. Одна, вторая, третья... А говорили, что кочевники не умеют брать крепости...

Зажженные стрелы и горячий ветер в лицо, за спиной черный дым разгорающихся пожаров. Пешие половцы все ближе, на стену падает одна лестница, за ней другая. Воевода Третич не остается в стороне, бросается в бой. И вместе с ним в гущу сражения врывается и Тимофей Орлик. Широкий замах, стремительный рубящий удар, и меч срезает с плеч вражью голову. Колющим ударом он сносит с лестницы второго половца — светловолосого синеглазого комана, могучего телом и духом. Он искал победу, а нашел погибель. Так будет и с другими...

Враг уже на стенах, на верхних помостах в жестокой сече звенят мечи и сабли. Враг теснит русских ратников, но там, где киевский воевода со своими гридями, там половцам раздолья нет, там рубят их гроздьями...

Тимофей бился до тех пор, пока не увидел, как забравшийся на вышку половец натягивает тетиву своего лука, направляя его на воеводу. Видно, что стрелок уверен в себе, вряд ли дрогнет его рука. А метит он в голову начальнику... Достать врага мечом Тимофей не мог, чтобы снять свой лук, не было времени. Поэтому пришлось закрыть воеводу своей грудью.

Добротная кольчуга, бронзовый нагрудник, казалось бы, стрела не может причинить вреда. Но каленый наконечник вонзился в железные кольца в узкий зазор меж нагрудными пластинами, пробил бронь, впился в плоть... Боли Тимофей не почувствовал, но голова закружилась так, что устоять на ногах он не смог. Пытаясь удержать меч в руке, он полетел вниз к земле. Меч был для него сейчас помехой, но никак не подспорьем. При ударе о землю он мог нанизаться на заостренное снизу яблоко рукояти. Но выронить меч из рук Тимофей не посмел. Настоящий воин умирает с оружием в руках...

ГЛАВА 1

Первые летописные упоминания о Заболони относятся к первой половине четырнадцатого века и свидетельствуют о том, что город был столицей мелкого удельного княжества, зависимого от Рязани. Впрочем, Тимофей Орлика мало волновало, сколько лет его родному городу. Главное, что он любил свою Заболонь. Каменный кремль с круглыми башнями, храмы с золотыми куполами, державные палаты, уютные старинные кварталы, чистые улицы, благожелательные люди...

Таким он помнил свой город, когда уходил в армию. Но прошло четыре года, и все изменилось. Тот же кремль, те же храмы, но улицы грязные, народ какой-то нервный, раздраженный.

— Ну, чего встал посреди дороги! — набросился на него прохожий, аспидского вида мужичонка в старой болоньевой куртке и затрапезных штанах-трениках с раздутыми коленками.

Тимофей прошелся по нему невозмутимо-удивленным взглядом. Стоял ведь, никого не трогал, никому не мешал — на кремль смотрел, остроконечно вытянутыми башенками любовался. А тут такое...

— Давай в объезд, мужик!

Сам Тимофей находился в благодушном настроении. Поэтому даже в мыслях не возникло проучить мел-

копакостного злопыхателя. Но был он также далек и от того, чтобы посторониться.

— Что ты сказал?

Ни на йоту не сдвинулся с места Тимофей, но энергетическое движение его внутренней силы было настолько мощным, что мужичонка невольно попятился — из опасения быть раздавленным. Тявкнул как собачонка, но тут же сник, затравленно глянул на Тимофея, робко обошел его и был таков.

А Тимофей так и остался стоять. Непокрытая голова, темно-серый свитер с толстым воротом, камуфляжные штаны натовского образца, черные ботинки с высоким берцем, спортивная сумка, заброшенная за плечо. Свалянные русые волосы, широкоскулое славянского типа лицо, глубоко посаженные глаза, короткий нос, плотно сдвинутые губы. Рост метр восемьдесят, обхват плеч в маховую сажень, сильные руки, длинные выносливые ноги.

Домой он мог вернуться еще два года назад. Но после дембеля остался в Приднестровье, а затем ветер военной романтики унес его в Боснию, где он воевал на стороне сербов. Навоевался. С богатым боевым опытом и парой-другой тысяч дойчмарок вернулся домой. Здесь его ждут родители, здесь его ждет младшая сестра. И с друзьями бы он хотел повидаться. Сколько лет прошло, сколько зим...

Родители его работали на станкостроительном заводе, отец — фрезеровщик, мать — кладовщица. Не самые большие люди на производстве, и ценность их измерялась двумя комнатками в рабочей общаге, в которой они прожили всю свою семейную жизнь. В эту общагу и возвращался Тимофей.

Пролетарский район, окраина города, рабочие кварталы — пятиэтажные кирпичные дома вперемешку с мрачно-серыми коробками общежитий. Чернo-белый

колорит. Но Тимофей не унывал. После разрухи, которую он повидал в Боснии, родные кварталы казались ему райским уголком на грешной земле.

Знакомый магазин с листом железа в витрине вместо стекла. Каким помнил его Тимофей, таким он и остался. Компания забудыжных работяг со счастливыми лицами — у мужиков есть бутылка, и ничто не помешает им распить ее в заброшенном сквере у оврага. Ничто не помешает — ни мусульманская пуля, ни случайно залетевший снаряд. Тихо здесь, бестревожно. Но именно это и смущало Тимофея. Совсем недавно он так хотел безмятежного спокойствия, а сейчас оно уже угнетало его.

Общежитие завода, первый этаж для холостяков — здесь пост вахтера. Но смотрит служитель и за теми, кто следует на второй и третий этаж.

— Молодой человек, вы куда?

Тимофей остановился, с меланхолической улыбкой глянул на посмевавшую побеспокоить его женщину. Под сорок лет, бабский платок на плечах, старая выцветшая кофта с расходящимися пуговицами. Слегка расплывшаяся фигура, большая грудь, полноватое, но приятное лицо, щеки в едва заметных сизых прожилках. Большие зеленоватые глаза — выразительные и привлекательные, и пахнет от нее хорошо.

— Домой, — нехотя сказал он. — Я с родителями здесь живу. На втором этаже. Орлик моя фамилия. Тимофей зовут.

— Орлик, Орлик... — задумчиво проговорила женщина. — Да, кажется, есть такой...

— Я пошел?

— Да, пожалуйста...

Она повернулась к нему спиной, но Тимофей ее остановил.

— А вы давно здесь работаете? — мягко, но без намека на искательные интонации спросил он.

- Год уже.
- А зовут как?
- Марина Евгеньевна. А что?
- Замужем?
- Ну ты, парень, даешь!

Тимофей внимательно посмотрел на нее, и на фоне возмущения заметил проблески интереса к себе.

— Значит, не замужем... Давно я здесь не был, забыл все. Ночью приду к тебе, расскажешь, что здесь да как...

— Приходи. А я милицию вызову! — съязвила она.

Но Тимофей и ухом не повел. Казалось, он уже и забыл о существовании этой женщины. Повернулся к ней спиной и поднялся на второй этаж.

Он знал, как нужно вести себя с женщинами. Грубить им ни в коем случае нельзя, но еще страшней — изгибать перед ними. У женщин первобытный нюх на слабости мужчин — стоит ей почувствовать хотя бы одну из них, как тут же где-то в глубинах ее сознания вспыхивает инстинкт порабощения самца. Если, конечно, самец ей нравится. Тогда она самопроизвольно включается в хитрую игру, чтобы подчинить себе мужчину. И это в лучшем случае. А в худшем, если самец не пришелся ей по нраву, в ней запускается механизм отторжения. Инстинктивно почувствовав свое превосходство над женщиной, она без всякого зазрения совести дает ему от ворот поворот, возможно даже, в нецензурной форме. А если самец сильный, если он умеет подчинять себе людей, то женщина невольно потянется к нему. И тогда делай с ней что хошь. Но только осторожно, чтобы не переборщить. Женщины ведь народ непредсказуемый... Так учил Тимофея его друг и командир Лешка Зацепин. А уж он-то в свои тридцать пять годков знал толк в женщинах. И к гордым сербиянкам подход сумел найти, и Тимофея за собой повел — на женщин, по минному полю ошибок и разочарований. Были у не-

го победы на чужой земле, но случались и поражения, на которых он учился...

Дверь в комнату родителей была заперта. С работы еще не вернулись. Но сестра должна быть дома. Школа у нее до обеда, сейчас, наверное, уроки делает... Тимофей остановился как вкопанный. Улыбнулся про себя. Какие уроки? Надя еще в прошлом году закончила техникум. Она уже совсем взрослая девушка... Дверь во вторую комнату также была на замке. Но у Тимофея ключ от нее. Четыре года его при себе держал — и как талисман, и как напоминание о доме. Это их общая комната. В тесноте жили, но не в обиде.

Замок в двери был прежним — ключ легко провернулся в нем. Но обстановка в комнате слегка изменилась. Шкаф вплотную примыкал к стене, в то время как раньше он разделял комнату на две половины — на мужскую и женскую. Две кушетки — одна против другой. И обе застелены бельем. На спинке одной розовое полотенце, на другой — голубое. Две пары тапочек у дверей, женские, маленького размера. На тумбочках всякие женские штучки — заколки, расчески, платочки с цветочками. Похоже, Надя жила в комнате не одна, и явно не с мужчиной. Судя по всему, кроватью, которая по праву принадлежала Тимофею, пользовалась какая-то женщина. Впрочем, это ничуть его не расстроило. Главное, что он дома, и на улице ночевать не придется. Хотя он мог бы и на улице, прямо на земле. Апрель месяц на дворе, снег уже сошел, дождей нет — сухо.

Но лучше, конечно, спать на теплой кровати. Можно поверх покрывала. Можно прямо сейчас... Тимофей сначала сел на кушетку, затем уложил голову на подушку. Засыпая, подобрал под себя ноги...

Проснулся он от толчка в плечо. И тут же над ухом сиреной взвыл женский голос:

— Тимоха приехал!

Это была Надя. Глаза радостно блестят, улыбка до ушей. Высокая прическа с длинными завитушками, длиннющие ресницы, ярко накрашенные губы. И одета она эффектно: белая блузка с кружевным жабо, кофейного цвета юбка — чуть выше колен, но такая узкая, что, казалось, вот-вот лопнет на бедрах. Позади нее, у дверей стояла незнакомая девушка. У этой волосы прямые, тяжелой светло-русой чапрой ниспадающие до самых плеч. Хорошенькое личико, красивые золотисто-оливковые глаза, миленькие пухлые губки. Фигурка на загляденье — худенькая, но полногрудая, ножки тонкие и длинные. Такая же белая блузка, но без кружевного антуража, юбка покороче, но не узкая и плиссированная. Если бы незнакомка вдруг взяла сейчас да развернулась вокруг своей оси, юбка бы раскрылась на ней как зонтик, ножки бы обнажились по всей длине. Но девушка и не думала кружить по комнате. Она смотрела на Тимофея, и не без интереса.

— Тимоха! Ну наконец-то!

Надя повисла у него на шее. Затем схватила свою подругу за руку, подвела к нему:

— Знакомьтесь! Тимоха, это Лада. Лада, это Тимоха, мой брат.

— Очень приятно, — мило улыбнулась девушка.

И неожиданно для него подала ему руку. Он растерялся, потянулся к ней с опозданием, когда она вернула руку в исходное положение. Ему бы остановиться, но он как тот дурень продолжал движение. Лада торопливо убрала руки за спину, опасливо отступила на шаг.

— Э-э, извините. Это я спросонья, — виновато, укоряя себя за неловкость, сказал Тимофей.

— Ничего, бывает, — улыбнулась она.

Но интерес к его персоне заметно в ней поубавился. Похоже на тот случай, когда в женщине, заметившей

слабость мужчины, включился механизм отторжения, а не порабощения.

— А где мать с отцом? — спросил он, чтобы отвлечься от Лады.

— Скоро будут... А ты давно приехал?

— Да нет. Вот, спать завалился...

— Лада, ты уж его извини! — обращаясь к подруге, улыбнулась Надя.

— За что? — пожала плечиками девушка. — Это ж его кровать...

— Но белье же твое.

— У меня еще комплект есть. Я к себе пойду, ладно?

— Ну иди. Только недолго. Мы сейчас стол накрывать будем, приходи.

Лада ушла, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Куда она?

— К себе. Она на первом этаже живет, комната у нее там...

— Холостячка?

— Ну да... Но ты же видишь, она хорошенькая, а там же не только женщины, там больше мужиков. Петр Васильевич попросил меня к себе Ладку взять.

— Кто такой Петр Васильевич?

— Директор завода. Богатов Петр Васильевич. Ты, может, его и не знаешь, он только в прошлом году директором стал.

— И он тебя за Ладку попросил?

— Да, меня. Она у него в приемной сидит.

— Секретарша?

— Ну да... И я тоже секретарша. Только не у него, а у главного инженера.

— Разве главному инженеру положена секретарша?

— Раньше нет, сейчас да.

— Барствуует начальство.

— Пусть барствует. Зато нам квартиру, может быть, дадут.

— И что для этого надо? — Тимофей подозрительно глянул на сестру.

На какое-то мгновение она стушевалась, опустив к полу глаза.

— Хорошо работать, вот что для этого надо!

И снова на ее смазливом личике играет задорная улыбка.

— А Лада как работает?

— Тоже хорошо... А что?

— Да так, ничего.

— А мне кажется, чего! Что, понравилась?

Тимофей уклонился от ответа.

— Мне бы душ принять. А ты бы в магазин сбегала, ну, если стол накрывать.

Он вручил сестре мятую купюру достоинством в сто немецких марок.

— Ух ты! Богато живешь!.. На сверхсрочной что, в инвалюте платят?

— Платят. Но не всем.

Ни сестра, ни родители не знали, что за служба у него была последние два года. Он писал им, что на сверхсрочную остался. Сначала другу-контрактнику в свою бывшую часть письма слал, а тот уже пересылал их в конвертах со штемпелем приднестровской почты.

— Если такой богатый, то жениться надо, — поддела его Надя.

— И женюсь. Когда время придет.

— А когда оно придет?

— Когда работать устроюсь.

До армии он закончил техникум, полгода успел отработать на заводе. Но не очень-то хотелось сейчас возвращаться к той прежней жизни. Шумные цеха, жужжащие станки, всю смену на ногах, не покладая рук. Нор-

ма большая, а зарплата маленькая. Да и не в деньгах дело. Работа нудная, никакой романтики, сам ты — ноль без палочки, а над тобой начальников целая лестница, один другого выше. И все, кто вокруг тебя и даже выше, — слабаки. Так и самому слабаком стать недолго...

— Так устраивайся. Я со своим шефом поговорю, он тебе хорошую работу подыщет. Мастером в цех пойдешь...

Тимофей промолчал. Не хотелось ему говорить о работе, скукой смертной от этой темы веяло.

В общезнании не принято было праздновать в узком семейном кругу. Возвращение из армии — событие важное. Поэтому стол накрыли в бывшей ленинской комнате, Тимофей пригласил всех соседей из тех, кого знал.

За столом мама сидела рядом с ним, держала его под руку, радуясь тому, что он рядом. Отец безудержно возглашал тосты, торжествуя поглядывая на сына. Он видел в нем своего преемника, продолжателя трудовой династии Орликов. Жаль, что Тимофей сам себя в этом образе не видел. И все равно было весело, водка лилась рекой. И закуси было вдоволь. Оказывается, в стране уже прошла эпоха дефицита. Были бы деньги, а купить можно все, что душе угодно. А деньги у Тимофея были... Пока были...

Среди гостей была и Лада. Она скромно сидела рядом с Надей. Почти не пила, на Тимофея старалась не смотреть. Она думала о чем-то своем, далеком от него. Он не был источником ее волнений, а мог бы им стать, не прояви слабость в момент знакомства. Понапористей нужно было быть, понаглей. Но, может, еще не поздно все исправить...

Тимофей пил на равных со всеми, но пока не пьянел. Хмель только-только начал обволакивать сознание, когда Лада вышла из-за стола. И Надя потянулась за

ней. Он также поднялся со своего места, нагнал их в коридоре.

— И далеко вы собрались? — стараясь не смотреть на Ладу, спросил он.

— Да пойдем вниз, к Ладе, а что? — иронично сощурилась сестра.

— Ну, вы же мои гости, я должен владеть обстановкой, — пожал плечами Тимофей.

— Я думала, ты к нам хочешь присоединиться.

— Ну, может, и хочу.

Тимофей чувствовал себя не в своей тарелке. Ему бы твердости побольше, но в присутствии Лады вся его решимость размягчалась, как парафиновая свеча в горячем цеуху. И еще его смущал ее взгляд — она смотрела на него без возмущения, но в глазах угадывались нотки протеста. Она не хотела, чтобы он шел к ней в комнату.

— А гости? Ты же должен владеть обстановкой, — покачала головой Надя.

Похоже, она тоже поняла, что Лада отвергает его.

— А я к ним вернусь. Перекурить выйду, и обратно.

Для перекуров на этаже был балкон. Но Тимофей решил спуститься вниз. Погода на улице хорошая, лавочка у входных дверей стоит — посидеть на ней можно. Посидеть и подумать, как быть ему с Ладой — выкинуть ее из головы или попробовать добиться ее расположения.

— Я бы тоже покурила, — смущенно посмотрела на него Надя.

— Разве ты куришь? — удивился Тимофей.

— Сейчас все курят. Кто-то больше, кто-то меньше... Лада, ты как?

— Да можно, — флегматично кивнула она.

— Тогда без тебя, братец, нам не обойтись. Охранять нас будешь. Оденься потеплей.

Девушки сходили за куртками, а Тимофей так и ос-

тался в одной рубашке. Он человек закаленный, к холодам и другим непогодам привычный.

Ему не понравилось, что Надя и Лада курят, но импонировало то, что они не афишируют это свое увлечение. Могли бы закрыться в комнате и надымить в свое удовольствие. Но у них, оказывается, было свое укромное местечко на свежем воздухе, где они курили, не привлекая к себе внимания. Это был знакомый Тимофею детский садик. Когда-то он и сам сюда ходил — в беседках темными вечерами попивал пивко с друзьями, а иногда и косячок там же по кругу ходил.

Только Надя и Лада вышли из общежития, как дороге им преградили два молодых парня — слегка бритые и до синевы пьяные. Замухрышистого вида, но наглые и бесцеремонные.

— Привет, секретутки! — «обласкал» девушек один из них.

— Вот сволочь! — возмутилась Надя.

Она была уверена, что брат ее защитит.

— Что ты сказал, окуроч?

Тимофей обогнул сестру, вплотную подступил к обидчику. Он должен был проучить этого грубияна. Тогда, глядишь, Лада потянется к нему. Все женщины любят сильных мужчин, и она не исключение.

Но Тимофей не рассчитал своих сил. Ему бы поунять свой пыл, но его натиск оказался чересчур пугающим. Потому наглец очень быстро осознал свою ошибку и подался назад, отступив на безопасное расстояние.

— Извини, брат, дурака сваяля!

И его дружок отступил вместе с ним. Сила энергетического воздействия, которой обладал Тимофей в минуты гнева, перекинулась и на его слабую душонку.

— Еще раз что-нибудь такое услышу, прибью обоих!

На этом разговор был закончен. Нашкодившие слюнтяи растворились в густых сумерках наступающего

вечера, а Тимофей повел девушек по знакомой дорожке к детскому саду. Надя взяла его под руку с правой стороны, Лада осталась с левой, но примеру своей подруги не последовала. Но Тимофей не растерялся, он сам взял ее за руку. И она оставила свою маленькую ладошку в его могучей пятерне.

— В морду надо было этому скоту дать! — сказала Надя.

— Не знал, что ты у меня такая кровожадная, — усмехнулся Тимофей.

— Если секретарши, то что, сразу секретутки!

— Неправда это, — покачала головой Лада.

Тимофей с досадой почувствовал, как ее ладошка выскальзывает из его руки.

— Говорю же, в морду ему надо было дать, чтобы языком не болтал.

— Это камень в мой огород? — нахмурился он.

— Да нет... Просто говорю...

— А не мог я его ударить. Не мог.

— Почему?

— Потому что он слабак. И его дружок такой же.

— Сильный не может обидеть слабого?

— Не может.

— А ты сильный? — с интересом посмотрела на него Лада.

Тимофей молча пожал плечами. Это ей самой решать, сильный он или слабак.

В садик они проникли через пролом в заборе, уместились на низкой скамейке в детской беседке. Он хотел, чтобы Лада села рядом с ним, но она заняла место возле Нади, по другую руку от нее.

— И давно ты секретаршей у этого... Петра Вадимовича работаешь? — чтобы хоть о чем-то поговорить, спросил он.

— У Петра Васильевича, — поправила его Надя. —

Только у него Лада работает, а я у Юрия Александровича в приемной...

— Да какая разница?

— Ну, для тебя нет, а для меня есть... С прошлого года работаю, сразу после техникума к нему попала.

— Ты у меня девочка красивая...

Он хотел польстить сестре, но добился обратного эффекта.

— Ну и зачем ты это сказал? — раздраженно поморщилась она. — Как будто только красивых в секретарши берут? Как будто голова не самое главное!

— В нашем деле голова важнее, — поддержала ее Лада.

В ее словах звучал укор, обращенный не только к нему, но и ко всем, кто был не самого лучшего мнения о секретаршах.

— Да я не спорю.

— Ты-то не споришь, а другие думают, если секретарша, значит, с начальником спишь, — мрачно усмехнулась Надя.

— А это совсем не так, — покачала головой Лада.

Она не оправдывалась, она всего лишь констатировала факт.

Первой со своего места поднялась Надя. Вышла из беседки, каблукom полусапожка сделала небольшую ямку в песке, бросила туда наполовину выкуренную сигарету. И Лада туда же кинула свой бычок.

— погоди!

Тимофей остановил сестру, собравшуюся было закопать окурки. Присоединил к ним свой окурочек. И уже сам сровнял ямку с землей.

— Ритуал прямо какой-то, — усмехнулась Надя. — Торжественные похороны в братской могиле.

— А это чтобы мы долго жили, — сказал Тимофей.

— Ага, все вместе. И одной семьей.

— Ну, можно и так.
— Слышишь, Лада, он жениться на тебе собрался.
— Слышу, — без всякого воодушевления кивнула девушка.

— А может, и женюсь.

Тимофей остановился, повернулся к Ладе и пристально, по-мужски твердо посмотрел на нее.

Она смутилась, молча отвела в сторону взгляд. Ей не понравилось, как он на нее смотрел. И вообще, она была не прочь избавиться от его присутствия. Все больше убеждался он, что с Ладой ему ничего не светит. Но чем запретней плод, тем он желанней. Самолюбие требовало от него победы над нею.

Они подходили к общаге, когда на пути снова возникла преграда. На этот раз парней было трое. И своим видом они внушали не в пример большее к себе уважение, нежели недавние работяги-забуддыги. Все трое как на подбор крепкие и в хорошей физической форме. Бритые головы, кожаные куртки, просторные джинсы, боты с широкими коваными носками. Они не нагтели, не хамили, но их чрезвычайная уверенность в своих силах не вызывала никаких сомнений. И обратить их в бегство не так легко, как это было с недавним противником.

Было уже темно, и в тусклом искажающем свете уличного фонаря эти молодцы казались чуть ли не великанами. Но Тимофей ничуть их не боялся. Даже намек не было на предательский мандраж в руках и ногах. Он давно научился справляться со своим страхом, а война и вовсе сделала его бесстрашным. Говорят, что смерти не боятся только сумасшедшие, но Тимофей мог позволить себе не соглашаться с этим утверждением. Если он и боялся чего-то в бою, то лишь поражения.

Один из троицы — по всей видимости, главный —

подошел к Ладе, мягко, но властно взял ее под руку. Метнув на Тимофея неприязненный взгляд, спросил:

— Куда ты ходила?

— Покурить.

Голос ее звучал робко, но взгляд сиял — хоть и не самым ярким светом, но все же. Похоже, к этому парню она питала более чем просто теплые чувства. Тимофеем стало не по себе. Ревность холодной рукой схватила за горло.

— А это кто? — глянув на него, спросил парень.

Высокорослый, плотный в плечах, ухарское выражение некрасивого лица, подавляющая энергетика внутренней силы. С таким противником не стыдно было бы схлестнуться в жестоком бою.

— Тимофей. Надин брат, — сказала Лада.

— А-а... Надюха, привет!

Казалось, парень только сейчас заметил Надю. Несмотря на улыбку ей, вяло махнул рукой. А к Тимофеем потерял всякий интерес.

— Здравствуй, Захар, — робко отозвалась Надя.

Но парень уже не смотрел на нее. И ухом не повел в ее сторону.

— Ну что, прокатимся?

Тимофей передернулся от возмущения, когда Захар провел рукой по задним выпуклостям Лады, легонько сжал их, подталкивая ее к машине, стоявшей неподалеку. Это был «БМВ» как минимум пятой серии. В Боснии ему доводилось ездить на такой машине. Мечта любого мужчины. И приманка для девушек...

— Поехали, — легко согласилась Лада.

Тимофей закусил губу. Девушка не была связана с ним никакими обязательствами, но все равно голос его разума возмущенно кричал, что его предают.

— Эй, постой!

Лада не принадлежала ему, он не имел права оста-

навливать ее. Но это было свыше его сил — стоять и смотреть, как ее увозит какой-то счастливчик.

— Чего тебе? — остановившись, резко развернулся к нему Захар.

— Ничего, — заискивающе-виновато улынулась Надя.

И крепко вцепилась Тимофею в руку. Но не смогла его остановить.

— Езжай сам, а Ладу оставь в покое!

— Это ты мне? — удивленно и вместе с тем угрожающе вскинул брови Захар.

— Да, тебе. Она не хочет с тобой.

— Ты кто такой?

Он сделал шаг по направлению к Тимофею, но Лада взяла его за руку, не позволяя идти дальше.

— Это Тимофей. Он из армии вернулся. Пьяный он, не видишь?

— Да вижу, — усмехнулся Захар. И пытливо глянул на нее. — Ты хочешь со мной ехать?

— Да. Поехали.

Теперь она сама тянула его к машине. Но Тимофей уже не мог остановиться.

— Я сказал, стоять! — грозно рыкнул он.

И снова Захар развернулся к нему лицом. И так посмотрел на него, что стало ясно — слов больше не будет. И его дружки двинулись на Тимофея.

Они ударили разом — один под правым углом, другой под левым. Тимофей сумел заблокировать первый удар. Под кулак он подставил свой лоб — но все равно его потрянуло так, что казалось, глаза поменялись местами.

— У-е! — отпрянул назад парень с отбитым кулаком.

Но тут же ударил ногой — прямой в живот. И это была добавка к удару, который нанес Тимофею его дружок.

Трудно было удержаться на ногах после таких приключений, но не зря Тимофей тренировал себя на гражданке, совершенствовал себя в армии, проходил проверку на прочность в жарком горниле двух войн. Он сумел устоять, перегруппироваться и ответить мощным выпадом в сторону врага. Один крепыш пошатнулся, схватившись двумя руками за горло, смятое сильным и точным ударом. Но его тут же сменил сам Захар. И ударил Тимофея в нос с такой силой, что на какие-то мгновения он потерял сознание. Очнувшись, увидел еще один летящий в него кулак. Увернуться он не успевал, поэтому все-таки оказался на земле. Поднимаясь, каким-то чудом сумел заблокировать чью-то ногу, метившую ему в голову.

Поднялся, слабеющей рукой ударил Захара в челюсть. Но этим только еще сильнее разозлил его. И снова град ударов обрушился на него. Тимофей отбился, бил в ответ, понимая, что против троих неплохо тренированных бойцов ему не устоять.

Однажды ему приходилось воевать на танке. Он находился в башне. Машина вошла в город и попала в западню, по ней били из гранатометов, но активная броня отлично справлялась со своей задачей. Кумулятивные гранаты взрывали коробки динамической защиты, не причиняя основной броне особого вреда. Но каждый раз ощущение было таким, будто на голову опускалась кувалда. Танкист-наводчик не смог выдержать такого испытания — выжил, но тронулся умом. Да и сам Тимофей еще долго приходил в себя после такой карусели.

И сейчас ему казалось, что находится он в том самом танке, а башню сотрясают снаряды. Его били в голову, в живот, он падал, но всякий раз поднимался на зло и на удивление врагу...

— А ну прекратите! Я уже милицию вызвала! — откуда-то из параллельного мира донесся до него женский голос.

— Хватит с него, поехали! — крикнул Захар.

И, огладив рукой опухшую скулу, направился к машине. Сгреб по пути в охапку оторопевшую Ладу. Его дружки последовали за ним.

— Что с тобой, парень?

Сквозь красную пелену перед глазами проступили очертания женского лица. Знакомые черты.

Это была Марина Евгеньевна, вахтерша с первого этажа. Появилась и Надя, она вела за собой целую ватагу мужиков, пожелавших вступить за Тимофея. Догадалась-таки сбегать на второй этаж, поднять соседей. Но было уже поздно: враг убрался восвояси. И Тимофей не пытался тешить себя иллюзией, что это было позорное бегство. Это было всего лишь тактическое отступление после одержанной победы. Над ним победы...

Тимофею обидно было осознавать, что он потерпел поражение на глазах у Лады. И если бы он мог плакать, он бы пустил сейчас горькую слезу.

— Спасибо тебе...

Дрожащей рукой он погладил Марину Евгеньевну по плечу.

— Спасибо всем...

Обвел своих заступников благодарным взглядом поверх набухающих мешков под глазами. И, поддерживаемый сестрой, побрел к себе. Больно было идти, голова кружилась, когда он поднимался по лестнице.

— Может, «Скорую» вызовем? — спросила Надя.

— Только попробуй.

В коридоре он встретил вдрызг пьяного отца. Одной рукой тот держался за стену, а другой махал ему. Мать стояла за ним, тоже в изрядном подпитии. Со спины отца обнимает — то ли его поддерживает, то ли сама боится упасть.

— Сынок, все в порядке?

— Как обычно...

Он кивнул Наде в сторону родителей, пусть ими занимается, а то ведь не дойдут до своей комнаты, упадут, где стоят. Но сестра сначала привела его в свою комнату, уложила на постель, и только затем оставила его. Но скоро вернулась. Приложила к синякам лепешки мороженого мяса.

— Это дело, — вымученно улыбнулся он.

Сильно болел распухший нос, но Тимофей был далек от того, чтобы обращаться за помощью к эскулапам. Сколько раз его с не меньшей силой били по носу, и ни разу не было перелома. И зубы все целы на удивление. Ребра болят, но и там вроде бы без перелома... Вот израненную душу бы он полечил. Но нет с ним Лады, некому его утешить. Да и не стала бы она этого делать. Он же для нее никто.

— Нашел с кем связаться, — попеняла ему Надя.

— С кем?

— Ты хоть знаешь, кто такой Захар?

— Уже знаю.

— Не знаешь... Бандит он, ему все в нашем районе платят. Да что в районе. Ему сам директор завода платит...

— Рэкет?

— Ну, вроде да... Даже не знаю, что с тобой теперь будет.

— А что, еще ничего не было?

— Было. Но это цветочки. Если он всерьез за тебя возьмется, тогда на похороны придется собирать... Уезжать тебе отсюда надо.

— Куда?

— А куда хочешь, лишь бы от греха подальше. А если он о тебе забудет, то вернешься...

— Если забудет, я ему напомню, — усмехнулся Тимофей. — Он сильный. Но и я не слабак. Сломается его коса о мой камень...